A·20
10/4411

A 20 10/441

ОЧЕРКЪ

НРАВООПИСАТЕЛЬНОЙ ЭТНОГРАФІИ.

Г. ОНЕГИ.

ОЧЕРКЪ

ПРАВООПИСАТЕЛЬНОЙ ЭТНОГРАФІИ

Г. ОНЕГИ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ,

СЪ СОБРАНІЕМЪ ОНЕЖСКИХЪ ПѢСЕНЪ

И

РЕЭСТРОМЪ СЛОВЪ,

ОТЛИЧАЮЩИХЪ ТАМОШНЕЕ НАРѢЧІЕ.

СОСТАВИЛЪ

С. П. Кораблевъ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕНА,

на Софійской улицѣ.

1853.

ПЕТРОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюля 24 дня, 1853 года.

Ценсоръ И. Снегиревъ.

БИБЛИОТЕКА
Госуд. Историческ. музея
№ 20882
9/X 1932

ОТЪ АВТОРА.

Благосклонный пріемъ выданнаго мною «Этнографическаго и географическаго очерка г. Каргополя Олонецкой губерніи» нѣсколькими любителями такихъ свѣденій, былъ поощреніемъ къ составленію предлагаемаго теперь «Очерка нравоописательной этнографіи г. Онеги, Архангельской губерніи». Притомъ, собираемыя Русскимъ Географическимъ Обществомъ свѣденія обо всѣхъ мѣстахъ отечества, равно какъ и труды Академіи наукъ въ томъ же

родѣ, побудили меня принесть свою лепту въ массу современнаго направленія къ всестороннему изученію отечества. Представляя на судъ и вниманіе любителей народовѣденія эту черту изъ русской жизни, почитаю обязанностью сказать, что тамошнія пѣсни и слова записаны были мною на мѣстѣ, во время пятилѣтнихъ поѣздокъ моихъ въ этотъ городъ и постояннаго въ немъ пребыванія около двухъ лѣтъ.

С. Ю.

Москва.
1853 г.

Чаша моря Соловецка,
Пить за здравье молодецко.

(Сѣверно-русская поговорка).

Бѣлое море, заливъ сѣвернаго океана, вливаясь въ материкъ европейской Россіи, образуетъ три губы: Двинскую, Онежскую и Кандалапскую. — Первыя двѣ наклонны къ востоку, а послѣдняя, простираясь узкимъ рукавомъ на сѣверо-западъ, образуетъ дугу Лапландскаго полуострова, на которомъ находится

пограничный со Швецією и отдаленнѣйшій на Русскомъ сѣверѣ городъ — Кола; все это пространство есть небольшая только часть одной изъ обширнѣйшихъ и пустыннѣйшихъ губерній нашихъ, губерніи Архангельской. Онежская губа отличается отъ двухъ другихъ тѣмъ, что на ней есть нѣсколько острововъ, коихъ обѣ другія губы не имѣютъ; названіе ея соименно со впадающею въ нее рѣкою Онегой. Первый изъ острововъ отъ устья рѣки называется *Кій* (темная историческая одноименность съ Кіемъ, однимъ изъ основателей г. Кіева), а самый крайній, находящійся при слія-ніи губы съ бассейномъ моря, есть извѣстный всякому, по знаменитой обители св. угодниковъ Зосимы и Совватія, островъ Соловецкій. Кій, хотя маленькій островокъ, отъ 6 до 8 верстъ въ окруж-

ности, замѣчателенъ, какъ пристань кораблей, приходящихъ къ Онежскому порту, а сверхъ того, тѣмъ,—что на немъ находится Крестный монастырь, основанный въ 1656-мъ году знаменитымъ іерархомъ нашей Церкви Патріархомъ Никономъ,—вотъ по какому случаю. Въ 1635-мъ году, когда Никонъ былъ еще монахомъ, удаляясь изъ Соловецкаго монастыря, онъ чуть не утонулъ во время бури; но при усердныхъ молитвахъ своихъ спасся отъ гибели, будучи выброшенъ на островъ Кій, на которомъ водрузилъ Крестъ, а въ послѣдствіи, въ 1656 году, проѣзжая въ Соловецкій монастырь для препесенія оттуда мощей св. Филиппа митрополита и узнавъ, что сооруженный имъ крестъ существуетъ, ниспосылая приходящимъ съ вѣрою больнымъ исцѣленіе, соорудилъ, при цар-

скомъ пособіи, на Кіѣ монастырь, называемый Крестнымъ, въ коемъ св. Крестъ Никона и нынѣ составляетъ благоговѣйно чтимую святыню. Богомольцы, ѣдущіе изъ Онеги въ Соловки, поставляютъ себѣ непремѣннымъ долгомъ, отслужить здѣсь напутственный молебенъ, пускаясь далѣе въ море съ надеждою на высшую помощь противу бурь и противнаго вѣтра. — Множество преданій сохранилось о тѣхъ нерадивыхъ или дерзкихъ, которые не исполнили этого освященнаго временемъ обыкновенія; вотъ одно изъ нихъ: желая, безъ потери времени, пользоваться повѣтерью, лоцманъ не остановился на Кіѣ для отслуженія молебна; но только лишь судно миновало этотъ островъ, какъ вдругъ повѣтерь смѣнилась сильнымъ *противнемъ* и судно, вмѣсто 3, 4 дней, упот-

ребляемыхъ на переѣздъ въ Соловки, блуждало по морю 12-ть сутокъ. Нарочитое стеченіе окрестныхъ жителей бываетъ злѣсь въ храмовой праздникъ Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста. Островъ покрытъ довольно рослымъ и густымъ лѣсомъ; разстояніе его отъ Онеги полагаютъ 15, а отъ Архангельска 300 верстъ; Кій, стоя при самомъ началѣ губы, будто удерживаетъ быстрое и бурливое стремленіе рѣки Онеги, при устьѣ которой находится городъ Архангельской губерніи, называемый ея же именемъ — *Онегою*. Сѣверная широта его, по календарю Академіи, опредѣляется 54° 59′ и в. д. 55° 49′ съ жителями около 1500 человѣкъ обоего пола. Городокъ этотъ отстоитъ отъ Петербурга 1456, отъ Москвы 1335, и отъ Архангельска 232 версты. Под-

плывая рѣкою къ городу, путешественникъ увидитъ тянущійся по лѣвому берегу рѣки *порядокъ*, т. е. улицу бѣдныхъ, почернѣвшихъ деревенскихъ избъ, нерѣдко покривившихся, около которыхъ торчатъ высокіе шесты, съ указывающими направленіе вѣтра пестрыми, разноцвѣтными флюгерами или превращенми въ нихъ хвостами тетеревовъ и другихъ птицъ, развернутыми въ видѣ опахалъ. У берега стоитъ много морскихъ судовъ и лодокъ, между которыми особенно замѣчательны двух-мачтовыя и трех-мачтовыя лодьи по красотѣ и величинѣ предъ другими. Штицъ каменной церкви на Низахъ и шатры двухъ храмовъ на Погостѣ и кладбищѣ, а впереди Бѣлое море, сливающееся съ небомъ, довершаютъ скромный ландшафтъ Онеги.

Пространство, занимаемое городскими постройками, заключаетъ въ себѣ 50 десят. 1760 саж., имѣя длины по берегу отъ 3 до 4 верстъ, на которыхъ разбросано 230 домовъ и хижинъ. Гербъ города изображаетъ щитъ, въ верхней части коего, помѣщается гербъ губерніи: Архангелъ Михаилъ, поражающій копьемъ дьявола, а въ нижней части семга на голубомъ полѣ. — Городъ по названіямъ дѣлится на три части: верхній его конецъ называется *Верхи*, средній *Низы*, а остальная часть ко взморью *Погостъ*. Верхи, это въ полномъ смыслѣ бѣдненькая деревушка; они почти соединены съ сосѣднимъ лѣсомъ; на нихъ помѣщается одно изъ присутственныхъ мѣстъ — магистратъ. На Низахъ есть нѣсколько двух-этажныхъ домовъ, похожихъ на городскіе; тутъ находятся

прочія присутственныя мѣста, а также соляные и винные магазины, уѣздное казначейство, каменная новой постройки церковь и свѣтское училище, въ коемъ учащихъ 2, учащихся до 50 человѣкъ. Погостъ можно назвать красивѣйшею частію города, говоря относительно; на немъ находится деревянная соборная церковь, старинной шатровой постройки, коей главный престолъ во имя Архангела Михаила. — Церковь эта есть лучшее украшеніе города и представляетъ типъ церковныхъ построекъ XVII вѣка, отличающихся высокими шатрами, фигурными зубцами крышъ и красиво сложенными углами; такія постройки встрѣчаются у насъ большею частію въ сѣверныхъ губерніяхъ (*). Неподалеку отъ церкви нахо-

(*) Церковь эта вмѣстѣ съ окрестными до-

ся духовное училище, въ коемъ учащихъ 2, учащихся 23. За соборомъ, на взморьѣ тянутся длинныя деревянныя строенія Онежской таможни и конторы, завѣдываюшей двумя тамошними лѣсопильными заводами. На Погостѣ же сосредоточена и постоянная здѣшняя торговля; она помѣщается въ двухэтажныхъ деревянныхъ амбарахъ, которыхъ не болѣе 5, да и тѣ заняты лавками не всѣ. — Предметы торговли немногочисленны, и вотъ главнѣйшія изъ нихъ: чай, сахаръ, кофе, крупчатка, мыло, орѣхи, пряники, черносливъ, кожи, сапоги, тюленьи фуражки съ шерстью, красныя товары и другія принадлежности для сельскаго потребленія. — Ренсковой погребъ занимаетъ отдѣльное

мами сдѣлалась въ 1826 году жертвою пожара, происшедшаго отъ грозы.

помѣщеніе; есть и трактиръ, въ родѣ губернской харчевни. Кромѣ этой постоянной торговли, въ Онегу пріѣзжаютъ на радость *женокъ* и дѣвушекъ *торгованы* изъ Каргополя преимущественно съ краснымъ товаромъ и кочующіе вязниковцы съ своими издѣліями. Въ городѣ улица собственно одна, вымощенная деревянною мостовою; на Погостѣ хотя и есть переулки, но они болѣе похожи на *прогалины* между домами. Площадей, достойныхъ этого названія, три: одна на Погостѣ, гдѣ соборная церковь, и двѣ на Низахъ; одна тоже при церкви, а другая черезъ нѣсколько домовъ раскинулась зеленымъ лугомъ, по тремъ сторонамъ коего находятся домы, а четвертая обмывается рѣкою. — На лѣвой сторонѣ этой площади стоитъ огромный деревянный домъ, принадлежавшій од-

ному изъ извѣстнѣйшихъ здѣшнихъ китололововъ, купцу Дьякову, который давно уже померъ, не оставя послѣ себя наслѣдниковъ, продолжающихъ его промыселъ. Домъ этовъ построенъ во время Императрицы Екатерины II и, отличаясь массивнымъ стилемъ, есть замѣчательное старинное зданіе. Въ двадцатыхъ годахъ при немъ были еще ворота, очень оригинально сложенные изъ китовыхъ костей. Объ этомъ Дьяковѣ и другомъ подобномъ промышленникѣ г. Кеми, сохранилась въ народѣ слѣдующая пѣсня:

« Во славную нашу Кемь,
Полученъ былъ указъ съ тѣмъ:
Чтобы жители той Кеми
И съ присутствами со всѣми
Выбирали голову.
Человѣка выбравъ честна,

Справедлива и нелестна,
На что смѣлъ былъ и готовъ
Евдокимъ у насъ Котовъ (1).
Онъ какъ сѣлъ въ судейско дѣло,
Начинать сталъ очень смѣло;
Онъ богатъ сталъ и судья:
Вздумалъ: надобна лодья;
Онъ построилъ лодью къ лѣту
Всему міру (2) на примѣту,
Скоро лодью оснастилъ
Въ городъ (3) съ кладью отпустилъ:
«Ну, счастливъ тогда я буду
Какъ дождусь ее оттуду:
Могу сдѣлаться таковъ,
Какъ въ Онѣгѣ былъ Дьяковъ».
Но къ несчастію толику,
Богъ погоду далъ велику
Парусъ, снасти повредило
На Орловъ (4) со всѣмъ бро́сило.

---

(1) Псевдонимъ.
(2) Міръ, въ смыслѣ сограждан.
(3) Въ Архангельскъ.
(4) Кошка, т. е. мель, близь рѣки Попоя у Орлова носа, или мыса.

Общество Онежское состоитъ изъ 680 ч. мужескаго и 823 женскаго пола, по званіямъ: духовныхъ м. 22, ж. 12, дворянъ и чиновниковъ м. 34, ж. 18, разночинцевъ м. 20, ж. 10, купцовъ 3-й гильдіи м. 6, ж. 6, мѣщанъ и посадскихъ м. 481, ж. 553, иностранцевъ м. 2, ж. 3, остальное количество составляютъ нижніе воинскіе чины и крестьяне. Изъ этого небольшаго реэстра уже видно, что мастеровыхъ и ремесленниковъ почти вовсе нѣтъ въ Онегѣ, и дѣйствительно, портнаго, сапожника, слесаря, или мѣдника надобно искать тамъ, какъ говорится, днемъ съ огнемъ; столяръ еще найдется, даже хлѣбниковъ, занимающихся исключительно печеніемъ бѣлыхъ хлѣбовъ, не имѣется; есть въ Онегѣ тамошняго приготовленія крендели, но они не польстятъ самому

невзыскательному вкусу. Вообще, относительно продовольствія, надобно сказать, что изъ Онеги изгнана не только прихоть, а даже и самая скромная умѣренность едва тамъ уживается. Промыслы жителей, доставляющіе возможность заработывать для исправленія домашнихъ нуждъ деньги, очень ограниченны и состоятъ: 1) изъ разныхъ работъ въ Петербургѣ, называемыхъ бурлачествомъ, 2) работъ при конторѣ, завѣдывающей лѣсопильными заводами, 3) поѣздокъ на перевозныхъ своихъ судахъ по Бѣлому морю какъ съ богомольцами въ Соловки, такъ съ рыбою или за рыбою по поморью и въ Архангельскъ, наконецъ 4) рыбныхъ промысловъ, производимыхъ какъ въ самой рѣкѣ Онегѣ, такъ и по берегамъ моря; въ этой послѣдней статьѣ главный предметъ составляетъ лов-

ля семги. Онежская семга, пойманная преимущественно или передъ самымъ городомъ, или выше верстъ на 30-ть до погоста Порогъ, почитается лучшею, и извѣстна въ продажѣ подъ именемъ мѣста улова —Порога; часть ея, посоленная въ жаркое время, т. е. въ іюлѣ, составляетъ низшій сортъ, называемый *меженью*. Рыба, пойманная выше Порога, постепенно теряетъ свое достоинство, приближаясь къ верховью рѣки,— ее называютъ — *лоховина*, выродокъ семги. Способъ ловли ея въ Онегѣ употребляется со всѣмъ особенный отъ того, какой придуманъ въ Норвегіи, при ловлѣ въ тамошнихъ заливахъ, называемыхъ фіордами, (см. Живоп. Обозрѣніе, М. 1838 г. т. 4, стр. 237). Вотъ какъ ловятъ семгу въ Онегѣ: близь фарватера, на мѣстахъ болѣе быстрыхъ, или и

черезъ всю рѣку, какъ при самомъ погостѣ Порогѣ, ставятъ заколъ, т. е. дѣлаютъ изъ толстыхъ жердей перегородку черезъ всю рѣку, оставляя для прохода рыбы промежутки, заслоненные отверзстіями огромныхъ мережъ, съ нѣсколькими внутри ихъ проходами, въ которые семга, зайдя, должна наконецъ остаться въ послѣдней части мережи. Сѣти осматриваютъ черезъ каждые шесть часовъ; рыбу вынимаютъ растягивая, какъ у мѣшка, узкій послѣдній отдѣлъ мережи. Другую статью рыболовства составляетъ ловля трески и палтусины на Мурманскомъ берегу, простирающемся почти отъ г. Колы до рѣки Поноя, куда ѣздятъ на большихъ двух-мачтовыхъ и даже трех-мачтовыхъ лодьяхъ; наконецъ ловля сельдей и наваги, производится на ближнемъ лѣвомъ

берегу моря около посада Сумы. Еще ловятся близь г. Онеги въ рѣкѣ *вьюны*, мюноги и камбалы. Для ловли мюногъ употребляютъ деревянныя мережи—родъ лукошекъ, а ловля камбалъ, большею частію, предоставляется пожилымъ женщинамъ, которыя ловятъ ихъ слѣдующимъ образомъ: вколачиваютъ въ рѣкѣ на приглубыхъ мѣстахъ два кола, саженя на 4 одинъ отъ другаго; между кольями протягиваютъ веревку съ 10 или 15 удочками; этотъ снарядъ не вынимается изъ воды во все лѣто. — Женщина раза три и четыре въ день, въ легкой лодочкѣ, съ помощію багра осматриваетъ удочки, собираетъ пойманную рыбу и наживя удочки приманкою, опять опускаетъ ихъ въ рѣку; такимъ образомъ Онежане лакомятся камбала-

ми, которыя, будучи поджарены въ скоромномъ маслѣ, очень вкусны. Ловится еще въ рѣкѣ мелкая рыба: налимы, щуки, лещи, сиги, окуни и ерши, но въ весьма маломъ количествѣ. Онежане, при изобиліи у нихъ соленой рыбы, имѣя надобность въ уксусѣ, составляютъ его слѣдующимъ простымъ способомъ. Въ бочку, хорошо выпаренную, вливаютъ ведро или два простаго хлѣбнаго вина и три или около четырехъ ведръ воды; въ эту смѣсь опускаютъ фунта три краснаго меда со ржанымъ тѣстомъ; бочку оставляютъ лѣтомъ на открытомъ воздухѣ съ большою втулкою, которая покрыта, для свободнаго доступа воздуха, кускомъ рѣдкаго натянутаго холста; послѣ 8, 10 недѣль уксусъ образуется и сливается въ стеклянную посуду, а закваска, называемая

маткою, сохраняется особо до слѣдующаго, лѣта для употребленія снова въ дѣло съ прибавкою меда и муки. Самый уксусъ бываетъ безцвѣтенъ, какъ вода, крѣпокъ и имѣетъ вкусъ, совершенно отличный отъ ренскаго уксуса. О жителяхъ вообще можно сказать, что народъ здѣшній полонъ свѣжести, силы, здоровья и смѣтливости въ дѣлѣ, за какое онъ возмется: при этихъ качествахъ, удальство составляетъ отличительную черту. Нерѣдко случалось видѣть, что молодой Онежанинъ плыветъ по теченію быстрой рѣки на двухъ несплоченныхъ бревнахъ, балансируя шестомъ, и стоитъ на нихъ такъ твердо и спокойно, какъ будто подъ нимъ не скользкія повертывающіяся бревна, а цѣлый плотъ; конечно, такое плаваніе не бываетъ дальнее, но тѣмъ не менѣе показываетъ до

какой степени тамошніе жители безстрашны и ловки въ обращеніи съ обманчивою стихіей: это удальство выказывается чаще при сплавѣ лѣсу на Онежскіе лѣсопильные заводы. Заводовъ въ Онегѣ два, оба дѣйствуютъ водою и устроены на маленькихъ рѣчкахъ или правильнѣе ручьяхъ; одинъ изъ нихъ выше города верстахъ въ 8-ми, называется Андскимъ, по имени рѣчки Анды, а другой за рѣкою Онегой, слыветъ Поньскимъ, по рѣчкѣ Поньгѣ; заводы доставляютъ болѣе 70 т. штукъ разной величины досокъ и брусковъ, составляющихъ предметъ Онежской, заграничной и внутренней торговли; оба завода могутъ производить работу только лѣтомъ. Онежане, смотря по своимъ способностямъ, занимаются тутъ или сплавомъ и распиловкою бревенъ или

исполняютъ другія болѣе сложныя и важныя обязанности. При пиленіи лѣсу много понапрасну теряется *горбылей*, т. е. кромокъ отъ бревенъ, чѣмъ оправдывается пословица: «гдѣ конь валяется, тамъ и шерсть останется». Къ числу Онежскихъ промысловъ должно отнести еще упражненіе Онежанъ зимою въ извозахъ; лошадьми и другими домашними животными, т. е. коровами и овцами жители тамошніе исправны; въ рѣдкомъ домѣ одна только лошадь, чаще хозяйство Онежанина снабжено парою и тройкою лошадей, такимъ же количествомъ коровъ и шестью, семью овцами; за то свиньи довольно рѣдки; изъ домашнихъ птицъ, кромѣ куръ, ни какихъ другихъ почти не держатъ. Жилища Онежанъ, хотя не щеголеватыя снаружи, опрятны и удобны; кромѣ общей избы, въ кото-

рой приготовляютъ пищу и обѣдаютъ, есть перегородка, называемая *шемнушей*, это родъ спальни; назади помѣщается *повѣть*, съ отлогимъ взъѣздомъ для складки сѣна и соломы; рядомъ съ повѣтью устроивается *горенка*, чаще безъ печи, чѣмъ теплая; она украшается вывезенными изъ Питера картинками и ужасными зеркалами; въ зажиточныхъ домахъ водятся самоварчики, съ ихъ принадлежностями. Одежда въ городѣ употребляется одинаковая съ деревенскою: женщины носятъ сарафаны; въ будничные дни крашенинные, въ праздничные кумачные, а самые лучшіе шьются изъ *золотной*, золотой парчи или малиноваго штофу; первые обшиваются спереди лентами, а послѣдніе *золотнымъ* газомъ; на головѣ женщины носятъ повойники, съ газовымъ или позумент-

нымъ *очельемъ*, а дѣвушки повязки, — нарядъ не затѣйливый, но разительно щеголеватый и опрятный въ сравненіи съ понёвами, употребляемыми на прим. въ губерніи Рязанской и другихъ. Мужчины рѣдко носятъ сибирку, а чаще кафтаны изъ синяго сукна; на ногахъ сапоги съ большими мѣдными скобками; лапти рѣшительно не употребляются. По суровости здѣшняго климата, естественныя произведенія, составляющія продовольствіе края, очень ограниченны; слѣдующіе роды хлѣба растутъ однакожъ годами порядочно: рожь, ячмень, небольшая часть овса и сѣрый горохъ; но часто озимовой ржи не снимаютъ и того, что посѣяли. Овощи, кромѣ рѣпы, растутъ въ маломъ количествѣ, а именно: брюква, рѣдька, морковь, хрѣнъ, свекла, картофель и капуста; грибы ро-

дятся черные березовики, грузди и волнухи; послѣдніе два сорта родятся очень обильно. Лѣсу Богъ уродилъ множество, но онъ не разнообразенъ, хвойный заключается въ ельникѣ и соснѣ или *пихтѣ*, а листовой составляютъ: береза, ольха и осина, съ другими мелкими породами. — Ягоды родятся въ изобиліи слѣдующія: земляника, костяника, брусника, черника, клюква, черемха, рябина, смородина всѣхъ цвѣтовъ и малина; на морскихъ островахъ родится много вороники,—это ягода черная, растущая на ползучкѣ, водянистая, способная утолять жажду; но въ особенности здѣсь растетъ много морошки,— это обильнѣйшая и извѣстнѣйшая изъ здѣшнихъ ягодъ; она славится въ Опегѣ. какъ вишня во Владимірѣ или виноградъ въ Астрахани; сборъ ея составля-

ств особенную заботу, обязанность и веселье здѣшнихъ дѣвушекъ. Морошка поспѣваетъ къ половинѣ іюня, или къ Петрову дню; сборъ ея бываетъ обиленъ или въ болотахъ на *зарѣчьѣ* или на взморьѣ, называемомъ *Три-руцья*. И вотъ, лишь только первые лучи солнца блеснутъ изъ-за Бѣлаго моря, какъ морошешницы хлопочутъ уже на берегу. Кстати сказать здѣсь, что суровая и продолжительная Онежская зима хотя вознаграждается и короткимъ лѣтомъ, за то въ іюнѣ и іюлѣ бываютъ дни чудесные! Провести на морѣ ясное, тихое іюльское утро верхъ наслажденія, послѣ семи, восьми мѣсячной стужи. Эта свѣжая, упоительная прохлада, это блестящее зеркало моря, лазурь неба и тамъ вдали чуть-чуть *всплывающая*, т. е. виднѣющаяся синева берега или

острова такъ пріятно нѣжатъ тѣло и душу, что не льзя безъ восторга вспомнить о такихъ пріятныхъ минутахъ. О Бѣлое море! и тонулъ-то я въ тебѣ, не утонулъ, и какъ радостно колыхало ты насъ во время прогулокъ, и какъ грозно бросало утлую лодку нашу по свисту вѣтра! Есть же въ Онѣгѣ пословица: « кто на морѣ не бывалъ, тотъ до сыта Богу не маливался». Но постой мечта моя: вотъ морошешницы!

II.

Сборы ихъ бываютъ непродолжительны, однако сосѣдки, т. е. обитательницы Верховъ, Низовъ, или Погоста не позже, какъ наканунѣ сговариваются, въ чьей лодкѣ и куда ѣхать,— На Зарѣку или подальше—на Три ручья?

Вотъ дѣвушки уже собрались: онѣ одѣты въ свои будничные сарафаны, только у повязокъ хазовыя оцелья жаромъ горятъ на солнцѣ; каждая съ *зобнею*, т. е. корзинкою, въ которой уложенъ запасъ дневнаго продовольствія, заключающійся въ порядочномъ кускѣ хлѣба, какого нибудь изъ ржаной муки пирога и даже иногда жареной камбалы; наконецъ онѣ еще разъ раздумываютъ: куда ѣхать, на Зарѣку, или Три-руцья? Надобно сказать, что Три-руцья находятся верстахъ въ 8-ми на взморьѣ, и, въ случаѣ сильнаго вѣтра, поѣздка туда не совсѣмъ безопасна и самое мѣсто, какъ дикое и необитаемое на значительномъ пространствѣ, представляетъ вѣроятную возможность заблудиться, особливо въ пасмурный день, когда по солнцу не льзя узнать дороги. Поэто-

му болѣе робкія желали бы ѣхать поближе, замѣчая, что находятъ облака, и вотъ, между ними завязывается маленькій споръ. «Нѣтъ, лѣвущки», говоритъ одна помоложе», поѣдемъ на Зарѣку, а провернется денекъ покраснѣе, такъ можно съѣздить и на Три-руцья, а то, тамъ заплутаешься; *лонись*, т. е. въ прошломъ лѣтѣ, Матреша Салаурова отъ артели отстала, такъ водилъ, водилъ измучилъ, насилу дорогу нашла, разъ десять Богородичу цитала». «Экъ що вспомнила!» возражаетъ другая постарше, «мы ужь вецоръ сговорились, да съ нами же поѣдетъ женка Агаша Козеда, а она знаетъ руцьи-то не хуже Низовъ, такъ небось не заблудишься, лишь отъ нея не отставай!» Какъ будто нарочно для рѣшенія споря, сошла съ крыльца пожилая женщина, воору-

женная багромъ и весломъ. «О цомъ дѣвки спорите? Чего вы ждете? Солнце ужь высоко, отчаливайте скоренько!» «Да вотъ, Ивановна, мы сговорились ѣхать на Три-руцья, а Дуня Поповицева ладитъ ѣхать на Зарѣку». «День будетъ сѣрый», отвѣчаетъ Дуня, да у насъ же въ лодкѣ уклюцыны плохи — веселъ не удержатъ». «Поди-ки скоренько, возьми изъ моей лодки *клюци*, (небольшія свайки, у которыхъ прикрѣпляются весла), я на камбальникъ съ однимъ весломъ съѣзжу. Поѣзжайте на Три-руцья, Зарѣкой морошка оборышь». Послѣ этого рѣшенія сама же Дуня проворно подбѣжала къ лодкѣ Ивановны, вынула тамъ *ключи*, иначе *кочеты*, вколотила ихъ на мѣста камнемъ въ свою лодку, и она понеслась по быстрой Онегѣ. Только-что лодка отплыла нѣсколько саженъ,

какъ послышалась пѣсня, въ которой приняли участіе всѣ спутницы. Вотъ пѣсни, которыя поются при отъѣздѣ за морошкою и возвращеніи съ нею. Мѣстное произношеніе въ нихъ сохранено по возможности.

2.

«Ужь какъ на дворѣ туманъ большой,
На синемъ морѣ погодушка:
Есть у дѣвушки зазнобушка;
Зазнобилъ сердче дѣтинушка,
Пуще вѣтра, пуще вѣхоря,
Пуще той травы кошеныя,
Что кошеныя, сушеныя,
Зазнобилъ сердче въ походъ пошолъ.
Говорилъ мнѣ милъ сердешной другъ,
Говорилъ, крѣпко наказывалъ,
Цесью, лесью уговаривалъ.

По смирнѣе живи, любушка,
Моя бѣлая лебедушка.
Я наказу не послушала,
Любовь съ миленькимъ порушала,
Со инымъ дружкомъ гулять пошла,
Я гуляла день до вецора,
Со вецора до полноуци
Въ томъ гуляньици задумалась,
Я задумалась, расплакалась:
Посмотрит-ко мишъ въ окошецко,
У насъ на дворѣ туманъ, туманъ,
На синемъ морѣ погодушка,
Есть у дѣвушки зазнобушка....

3.

Хоромы, хоромушки,
Розвысокіе новы теремы,
Али вамъ хоромушкамъ,
Хозяина въ домѣ нѣту?
Хозяина въ домѣ нѣтъ,

Хозяюшка вдовка молодая:
Ходила, гуляла-то
По своимъ высокіимъ теремамъ,
Плакала, рыдала-то,
По своемъ, по миленькомъ дружецкѣ:
На ково ты меня милой покидаешь?
Оставляешь меня въ горѣ,
Какъ кораблику въ морѣ,
Оставляешь во круцинѣ,
Какъ корабль въ пуцынѣ,
Вкругъ кораблицка волны бьютче,
Азъ глазъ слезы льютче...

Ходя цѣлый день по болотамъ, набравши по доброй *зобнѣ*, даже по двѣ, морошки, усталыя, нерѣдко промокшія до нитки, но веселыя и съ пѣснями, дѣвушки возвращаются домой, иногда вдругъ лодки по двѣ и по три, кто на Низы, кто на Погостъ, вотъ еще двѣ пѣсни.

4.

Цвѣтики, цвѣтоцики, цвѣты мои,
Что же вы не весело цвѣты цвѣли?
На эте цвѣтоцики палъ меленькой дождь,
На всю на осеннюю темную ноць.
Не дало со миленькимъ дружкомъ постоять,
По болѣ рѣцей со милымъ поговорить,
Милому во глаза-те дружку попенять.
Что же ты не женишься радость долго,
Меня красну дѣвицю за мужь не берешь?
Дѣвица, красавича, ты радость моя,
Жизнь наша нетлѣнная съ тобой красота:
Батюшко родимой воли не даетъ,
Мать моя благословеньича крѣпкаго не кладетъ,
Родъ племя ругаютъ, молодча бранятъ,
Тебя роскрасавичу брать всѣ не велятъ...

5.

Сизой селезень по рѣчинькѣ плыветъ,
Доброй молодець по бережку идетъ,
Калену стрѣлу налаживаетъ:
Ты лети, моя каленая стрѣла,
Высоко вверхъ подъ оболоко,
Подстрѣли, моя каленая стрѣла,
Сѣру утицю на *заводѣ*,
Бѣлу лебедь на перелетѣ,
Красну дѣвичю въ высокомъ терему ...

Привезши домой, морошку сортируютъ, ссыпаютъ отборную въ ушаты и мочатъ въ прокъ; эта моченая морошка доставляется и въ столицы. Лѣто проходитъ скоро, и въ концѣ августа по утрамъ бываетъ уже *свѣженько*, такъ,

что 1-е сентября можно почитать наступленіемъ стужи; съ этого дня Онежане приготовляются къ встрѣчѣ своей суровой владычицы — зимы. Они начинаютъ встрѣчу тѣмъ, что женятъ молодыхъ людей, которымъ *пришла пора* и устроиваются къ зимнимъ работамъ и увеселеніямъ. Свадьбы начинаются, послѣ переговоровъ родителей, *рукобитьемъ* и избранная чета безъ дальнихъ пированій отвозится къ вѣнцу; къ свадьбѣ варятъ лишь пиво; заключительная пирушка бываетъ въ день вѣнчанья, когда у невѣсты расплетаютъ косу надвое. Къ зимѣ возвращаются работники бурлаки съ деньгами; на нихъ то преимущественно и падаетъ выборъ бракосочетаній. Въ Онегѣ почти вовсе нѣтъ самовольнаго увоза дѣвушекъ къ вѣнцу, существующаго въ нѣкоторыхъ другихъ

губерніяхъ и составляющаго, какъ полагаютъ, слѣды древнихъ умыканій, Домашнія зимнія работы Онежанъ заключаются въ рубкѣ дровъ, удобреніи полей, звѣроловствѣ и стрѣляніи дичи; послѣдняя вѣтвь промысла называется: «*ходить по путикамъ;*» сверхъ того, для торговли рыбою и въ извозахъ они ѣздятъ по разнымъ мѣстамъ. Изъ звѣрей, наиболѣе тамъ водящихся, ловятся: медвѣди, волки, лисицы, зайцы, россомахи и песцы; изъ дичи: тетерева, куропатки и рябчики. Женщины, въ свою очередь, кромѣ подмоги въ полевыхъ работахъ, занимаются пряжею льна съ шерстью, тканьемъ и вязаньемъ; но издѣлія ихъ грубы и употребляются только для домашняго обихода. Въ продолженіе всей зимы, т. е. съ 26-го сентября до мас-

ляницы, для пряжи и вязанья морошешницы дѣвушки устроиваютъ вечеринки. — Онѣ начинаютъ эти собранія именно 26 сентября, въ осенній праздникъ св. Іоанна Богослова, собираясь на первую бесѣду днемъ, а потомъ уже сходятся ежедневно на вечеринки, продолжающіяся часовъ съ 6-ти до 11-ти и за полночь, На вечеринки проходятъ молодые ребята и, между дѣломъ, затѣваютъ на *уповодокъ времени*, т. е. на часокъ, полтора,— разныя игры. Они снабжаютъ вечеринку свѣчкою, за неимѣніемъ которой нерѣдко работа и игры производятся при національномъ русскомъ освѣщеніи — лучинѣ. Дѣвушки сидятъ по лавкамъ около стола; приходятъ парней пять; одинъ изъ нихъ, въ знакъ привѣтствія и, вмѣсто комплимента, безъ околичностей, но въ

шутку, однако довольно чувствительно, хлопаетъ дѣвушку ладонью по плечу, какъ будто говоря: «здравствуй!»; «цирей въ руку, Ваня!» отвѣчаетъ на это, нисколько не обижаясь пряха, и если ударъ повторяется, то она присовокупляетъ: «щобъ тя стрѣлило!» Но ребята не позволяютъ себѣ слишкомъ грубыхъ шутокъ, непріятныхъ сценъ никогда не бываетъ; если они приносятъ съ собою угощеніе, такъ это не болѣе, какъ фунтъ самодѣльныхъ Онежскихъ крендельковъ или пряниковъ, называемыхъ *одномедными*, которые нѣсколько сладки, кажется, потому, что испечены съ *закаломъ*. Но чтобы взять съ нихъ на сальную свѣчку, дѣвушки величаютъ ребятъ въ пѣсняхъ, припѣвая имъ невѣстъ. Вотъ пѣсня съ припѣвомъ:

6.

Какъ по сѣницкамъ, сѣницкамъ,
По частымъ переходницкамъ,
Ужь тутъ ходила, гуляла
Душа красна дѣвича,
Свѣтъ Авдотья Андреевна:
Во рукахъ она носила
Три алмазныя запоны,
Ужь вы яхонты, яхонты,
Три алмазныя запоны,
Посидите малешенько,
Покуль я молодешенька
Я схожу въ нову горничу
Во столову свѣтлу свѣтличу
Ко родителю батѣшкѣ,
Ко сударынѣ матушкѣ.
Тамъ сидитъ доброй молодець,
Свѣтъ Иванъ-отъ Ивановиць,

Онъ сидитъ прохлаждаитце,
Онъ музыкой забавляитце
Со друзьями, съ товарищами,
Ужь онъ мной похваляитче:
У меня жена умная,
У меня душа разумная

Удалой доброй молодецъ, имя котораго пропѣто, кладетъ на столъ, по силѣ помочи 5, 10 коп. сер. на сальную свѣчку; за тѣмъ столъ, который впрочемъ и ненуженъ, отодвигаютъ въ сторону и ребята начинаютъ игру, называемую *Утоцкой*. Парень беретъ дѣвушку и они, взявшись за руки, ходятъ взадъ и впередъ подъ пѣсню собесѣдницъ, по окончаніи которой, слѣдуетъ цѣлованье и смѣна танцующаго дѣтины или дѣвушки. Вотъ пѣсни Уточныя.

7.

Утоцка по плавай-ко,
Сѣрая со селезнемъ,
Молодець со дѣвичей;
Радъ бы я поплавати,
Угорѣлъ голова болитъ,
Завяжу я голову платкомъ,
Платоцкомъ тальянскіимъ
Рукавчемъ бѣльянскіимъ
Почелую, обойму,
Самъ я изъ кругу вонъ пойду.

8.

На межи, было межи,
Роскатилися кряжи:
Поди, матери скажи,
Чтобы собрала кряжи,
Кряжи вырубила,
Баню вытопила
Ваню выпарила.

9.

Скацетъ пляшетъ воробьюшко по гумешку ,
Гай, гай , гай по гумешку,
Какъ у насъ на гумешкѣ немножко ,
Что не множко на гумешкѣ веселенько
Гай, гай, гай веселенько ,
Поиграем-те ребята хорошенько ,
Гай, гай, гай хорошенько ,
Поиграем-те ребята по-Онежски ,
Гай, гай, гай по-Онежски.

10.

Ѣхалъ панъ, ѣхалъ панъ
Отъ князя пьянъ,
Сронилъ панъ, сронилъ панъ
Цорную шапку мурмолку.

Поди дѣвича, поди красна
Подними шапку мурмолку;
Я же пану, я же пану не слуга:
Служенька, служенька,
Своему я отчу матери
Своему я роду племени
Своему я братчу милому,
Своему дружку любимому.

11.

Какъ у Настиной матери
Ворончи-те высокіе:
Недостать будетъ *колоба*
Умереть будетъ съ голоду,
Что дѣвиче душе красные,
Со дороднимъ добрымъ молодчемъ,

12.

Ко̀зелъ, ты мой ко̀зелѣ,
Ко́зелъ мой рогатой,
Холостъ не женатой:
Дѣвки козла любятъ,
Молодушки хвалятъ,
По головушкѣ гладятъ
По бородушкѣ хвалятъ:
Онъ по шапоцкѣ полковникъ,
По бородушкѣ прицетникъ,
Онъ по платью гость торговой,
Шальной безтолковой.

13.

Я по травкѣ шла, по муравкѣ шла̀,
Я клубокъ нашла:
Клубокъ катитче,

Нитка тянитче,
Клубокъ дале, дале, дале,
Нитка тоне, тоне, тоне...
За нитоцку принялась,
Нитоцка порвалась
Вся пѣсня извелась....

14.

Летѣлъ голубь, летѣлъ сизой со голубушкою,
То не сизенькой голубцикъ, удалой молодечь,
То не сизая голубка, красна дѣвича душа;
Въ слѣдъ-то ихъ идутъ товарищи, присматриваютъ,
Что присматриваютъ, приговариваютъ:
Кабы эта же трава во моемъ саду росла,
Кабы эта красна дѣвича у молодча жила,
Взялъ бы золотомъ обсыпалъ
Жемчугомъ обсадилъ,
Я бы лѣтнею порою во каретѣ вывозилъ,
Я бы зимнею порою на Очаковскихъ санях̀ъ,

На Очаковскихъ саняхъ ,
На ямскихъ лошадяхъ:
Кладу голубя на руцку, не встряхнитче,
Переложу на другую, не ворохнитче.
Кышь голубь долой, полетай сизой домой,
Полетай сизой домой, ко голубушкѣ своей,
Голубочикъ ворковалъ, голубушку человалъ,
Голубушка ворковала, голубоцка человала.

15.

Кума-та къ кумѣ приходила,
Кума-та кумѣ говорила :
А что у васъ въ городѣ за вѣра,
Женской полъ на нацалѣ ;
Старостой Варвара,
Выборной Татьяна,
Скорое писемче Кулина,
Къ Москвѣ гонить Катерина,
То Талья, то прелья, то Марья ,
То шитая ширинка Оринка.

16.

Полоса, моя полосонька,
Чолоса, земля не паханая,
Не пахана, не бороненая:
Заросла моя полосонька
Частымъ ельницкомъ, березницкомъ,
Молодымъ, горькимъ осинницкомъ:
Я во ельницкѣ, рыжицки брала,
Во осинницкѣ осиновы грибки,
Я брала, брала, аукалася,
Никто въ лѣсѣ не откликнитче,
Откликались пастушки, наши дружки,
Государевы роботницки,
Моего батюшки помошницки.

17.

Иванъ женѣ говорилъ, Ивановицъ говорилъ:
Настасьюшка, ты душа, ты душа,
Роди сына сокола, сокола,
Бѣлымъ личемъ во себя, во себя,
Умомъ разумомъ въ меня, другъ въ меня...

18.

Сковородникъ на пецы,
Ты не много хлопоцы:
Десятоцка два, три,
Блинковъ испецы.
Двое ходятъ, двое бродятъ, двое сойдутче,
Двое обоймутче, почелуютце.

19.

Я кацу, кацу по блюдецку,
По наливному яблоцку,
Еще конь ведра не бьетъ,
Конь ведра не бьетъ, воды не пьетъ,
Золотой уздой по брякиваетъ,
Стременами пошевеливаетъ:
Ты дѣвича переймы мово коня,
Раскрасавича, воронова;
Седелышко было кованое,
Стременышки позолоцоные,
Я не перейму, не перейму коня,
Попеняю, мой голубцикъ, на тебя,
Ужь я билъ бы, трепалъ бы ее
Мои руценьки болятъ, таки болятъ,
Человалъ, миловалъ бы ее,
Со сторонъ люди глядятъ, таки глядятъ:
Человать, миловать не велять.

20.

Царочка моя, серебренная,
На золотѣ блюдѣ *написаная;*
Кому цару пить, кому выпивать?
Да другую наливать;
Какъ не листъ, не трава ростилаитце
Наши буйные головки приклоняютче,
Что за вашее здоровье, за ниской поклонъ,
Что за дѣвушкинъ, за голубушкинъ,

21.

Заснько по сѣницкамъ дыбы, дыбы, дыбы,
Сѣренькой по новенькимъ скакалъ, таки скакалъ:
Не куда заеньку выскоцити,
Не куда сѣрому выпрыгнути.

Семеры ворота, крѣпко заперты стоятъ,
Мать ушла, золоты ключи взяла,
Заенько, попытайся у воротъ,
Сѣренькой, попытайся у новыхъ,
Снацала у своихъ,
Да потомъ у чужихъ.

22.

Ужь какъ сизъ голубь съ голубушкой идетъ,
Ужь онъ что малу голубушку ведетъ?
Такова ему понадобилась:
Она хлѣбчи мяконьки пецотъ,
У ней короцка, на короцку падетъ,
Красна дѣвича съ пеци упадетъ,
Доброй молодечь гулять пойдетъ.

Во время святокъ и праздничныхъ вечеринокъ бываетъ еще нѣсколько осо-

бешныхъ игръ; всѣ онѣ однообразны и не затѣйливы; на прим. вотъ игра въ столба.

23.

Еще вкругъ столба ли я хожу,
Еще вкругъ дубова ли я хожу,
Подарю ли я столба животомъ,
Животомъ красной дѣвицею,
Свѣтъ Авдотьей Андреевной.
Выкупай-ка ты, Авдотьюшка, вѣнокъ,
Выруцай-ка свѣтъ Андреевна шелковъ.
Не отдамъ вѣнка безъ выкупу,
Я безъ ста рублей безъ тысяци,
Безъ удала добра молодча,
Безъ Василья, безъ Андреевица,
Ужь мнѣ хлѣба то не ѣсть,
А Василья то любить,

Свѣтъ Андреевица.
Еще кто ногой не топнетъ,
У того нога отсохнетъ
По костоцкѣ, по лодыжецкѣ,
Еще выскоци высоко,
Почелуй столба и съ подстолбицкомъ.

Здѣсь пѣвицы вставляютъ въ пѣсню имя той дѣвушки, которая, по ихъ догадкамъ, болѣе другихъ мила столбу; она, вставъ со своего мѣста, ходитъ вокругъ столба и буквально выкупя вѣнокъ, бьетъ платкомъ тѣхъ, которые должны занять ваканцію на стулѣ и за стуломъ. Заключительною праздничной или святочной игрой бываетъ хороводъ, превращающійся въ танецъ—родъ польки, подъ слѣдующую пѣсню:

24.

По горамъ было по высокимъ, 2.
По лужкамъ зеленымъ,
Разцвѣтали тамъ цвѣточки 2
Все цвѣты аленькіе.
Ужь какъ всѣ цвѣты аленьки 2
Одинъ поалѣе всѣхъ,
Ужь какъ всѣ дружки миленьки 2
Одинъ помилѣе всѣхъ;
А я своему милому, а я своему дорогому 2
Я цвѣточковъ наберу,
Алой лентой перевью:
Ты надёжа другъ сердечной 2
Что въ гости не ходишь?
Я бы радъ къ тебѣ ходити 2
Да нецемъ дарити,
Случай будетъ въ Питеръ ѣхать 2
Привезу подарки,

Привезу тебѣ подарки 2
Кумацу, китайки.
Кумацу я не хочу 2
Китайки не надо,
Коли любишь, такъ и купишь 2
Золото колецко.

Вотъ какъ среди своей скучной, суровой природы и утомительныхъ трудовъ, развлекаются Онежане. Но, можетъ быть, спроситъ читатель: чѣмъ же развлекаетъ себя образованная каста жителей, на прим. мѣстные чиновники?

Само собою разумѣется, что ихъ образъ жизни вездѣ отличенъ отъ массы народонаселенія и всегда носитъ отпечатокъ обычаевъ губернскихъ и даже столичныхъ. Впрочемъ въ Онегѣ и знать не знаютъ, что такое балы въ губернскомъ или столичномъ значеніи; а если гдѣ, по случаю именинъ или другой акказіи и бываетъ пирушка, то всю принадлежность такого собранія составляютъ чай, кофе, водка и закуска чѣмъ Богъ послалъ, а забавы молодыхъ людей, вездѣ одинаковы и мѣстные обычаи, въ большей части случаевъ, подчиняютъ касту образованную своей власти. — И такъ, вотъ еще краткій, преимущественно нравоописательный очеркъ одного изъ бѣднѣйшихъ и маленькихъ городковъ Россіи; все шло такъ, какъ опи-

сано, въ первой четверти нашего столѣнія, теперь, можетъ быть, многое перемѣнилось. Къ описанію прилагаю реэстръ особенностей тамошняго нарѣчія.

СЛОВА.

Воронецъ, полка для посуды и съѣстнаго.

Голомень, открытое мѣсто на срединѣ рѣки или въ морѣ.

Зобня, корзинка изъ сосновой драни.

Заводь, мѣсто въ рѣкѣ, гдѣ вода, заслоненная небольшимъ мысомъ, не имѣетъ теченія.

Ключь, кочетъ, толстая деревянная спица для прикрѣпленія весла въ лодкѣ.

Кумоха, лихоманка, лихорадка.

Коты, женская обувь.

Кошка, каменистый рифъ, мель, въ рѣкѣ или морѣ.

Карга, камень подъ водою, обозначаемый теченіемъ воды.

Носъ, мысъ, въ рѣкѣ или морѣ.

Написаная, красивая, хорошенькая.

Наволокъ, возвышенное мѣсто безъ лѣсу.

Очелье, нашивка изъ золотаго газу или прозумента на дѣвичьей повязкѣ или женскомъ повойникѣ.

Паужинокъ, время ѣды около вечеренъ, между обѣдомъ и ужиномъ.

Плесо, пространство между двумя мысами на рѣкѣ.

Повѣть, сарай для сѣна и соломы.

Порядокъ, рядъ избъ, составляющихъ улицу.

Прогалина, промежутокъ между чѣмъ нибудь.

Розвальни, возовыя сани, съ болыпими откидами.

Рукобитье, сговоръ дѣвушки замужъ.

Торгованъ, пріѣзжій торговецъ.

Туясокъ, буракъ изъ береста.

Уповодъ, уповодокъ, часъ, полчаса времени.

Фата, платокъ, повязываемый женщинами сверху повязки или повойника.

Чуны, цюны, салазки.

Ширинка, вышитое по концамъ полотенце, употребляемое вмѣсто носоваго платка.

Шемшуша, перегородка въ общей избѣ.

Конецъ.